В этом году из выпускников технического училища была сформирована комсомольско-молодежная бригада маляров, руководить которой поручили Галине Петровне Долбилиной.

Сейчас эта бригада одна из передовых в ремонтно-строительном цехе управления коммунального хозяйства. Работая на различных объектах, молодые труженицы постоянно перевыполняют задания и сдают объекты с хорошим качеством.

На снимке: группа членов передовой бригады Вера ЛЮБУТКИНА (слева), бригадир Галина Петровна ДОЛБИЛИНА, Надежда ИЛЬЯСОВА, Татьяна КОРНИЕНКО и Зина ЛАТЫШЕВА.

Фото Н. Нестеренко.

ТРУДОВОЙ ПОЧЕРК

(Продолжение. Начало на 1-й стр.)

под руководством Виктора Суханова «обхаживала» прибыльные надставки, выстроенные в один ряд над канавой с транспортером.

Бригадир каменных работ Виктор Суханов манипулирует кнопками и рычагами машины для подмазки прибыльных надставок. От надставки к надставке передвигается машина, за нею следуют каменщики, разглаживают маленькими мастерками еще не загустевший раствор, наносят кистью на внутреннюю поверхность надставок жидкую графитную смазку, чтобы не приставал металл к футеровке.

Галина Везгорт, одна из лучших каменщиц цеха, работает сейчас кистью. Вот она окликает Валентину Падалко, которая идет немного впереди с мастерком, показывает ей углубление в футеровке надставки. Валентина, ни слова не говоря, замазывает ямку раствором. Забота о качестве составов как у каменщиков, так и у бригады подготовителей одинакова. За честь бригады болеют все, поэтому каждый старается не пропустить даже небольшой брак.

Начальник второго двора изложниц секретарь партбюро ЦПС В. В. Мельников говорил, что у коллектива третьей бригады свой трудовой почерк. Эту смену отличает спокойная, безо всяких признаков суматохи, но очень грамотная ритмичная и высокопроизводительная работа.

И в самом деле, так непринужденно идет работа у каменщиков, короткие фразы звучат непривычно для производства тихо, я бы сказал, даже как-то по-домашнему. Так же деловито и спокойно встречает новый состав Урузбай Утепов. А предыдущий, уже подготовленный, медленно уплывает на станцию Стальная, постукивая на стыках рельсов.

— На ближайшие дни, говорит В. В. Мельников, — у нас намечено партийное собрание, где будет обсуждаться ход социалистического соревнования. Коллектив нашего цеха включился в соревнование сквозных бригад, смежных цехов по линии мартен — прокат. Соревнуясь со сталеплавильщиками и обжимщиками, подготовители составов еще с большей ответственностью относятся к своей работе, их помощь мартеновцам и прокатчикам становится еще весомее.

М. КОТЛУХУЖИН.

ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ

НЕ НАДО „КАЧЕЛЕЙ“

«Технике безопасности — неослабное внимание», «Изучать и неукоснительно выполнять правила техники безопасности»...

Такого рода призывы и требования становятся уже расхожими фразами, они часто мелькают в печати, в беседах с ответственными работниками разных рангов, на совещаниях и собраниях, в официальных и дружеских разговорах на тему о состоянии дел на комбинате. Потому что, к сожалению, на комбинате наблюдается дисгармония между прогрессом, неуклонным поступательным движением во всех сферах деятельности и топтанием на месте в вопросах техники безопасности. Дисгармония не ярко выраженная, но тем не менее имеющая место, несмотря на все увеличивающиеся средства, выделяемые на охрану труда, несмотря на неустанную разъяснительную работу, проводимую повсеместно на комбинате, и несмотря на те очевидные потери, которые несут отдельные цехи, а значит, и комбинат в целом, из-за травм трудящихся, из-за утраты ими трудоспособности на более или менее длительное время.

Казалось бы, и призывать-то не к чему — каждому понятно, зачем существуют правила техники безопасности. Однако то тут, то там снова и снова появляются «очаги поражения» опасной болезнью — пренебрежением к правилам безопасного ведения работ. И опять кому-то приходится расплачиваться за забывчивость и самоуспокоенность, за неуместную лихость и самонадеянное равнодушие к железному, всегда актуальному правилу: «работай безопасно!»

Странная закономерность: сегодня за нарушение инструкций «чистят» одних, завтра — других, послезавтра — следующих, а потом, через более или менее длительный промежуток времени, все повторяется сначала. И так до тех пор, пока однажды цепь не «закоротит», пока не произойдет несчастный случай. Тогда выясняется «вдруг» (?!), что много было упущений, что со временем, оказывается, ослаб контроль за строгим соблюдением правил техники безопасности и вместо повседневной кропотливой работы осталась только одна видимость таковой, вместо обучения надлежащим правилам, — мероприятия ради «галочки», вместо строгих инструктажей — ни к чему не обязывающие мирные беседы, от которых за версту тянет формализмом. И сразу находятся откуда-то силы и энергия для того, чтобы сделать все призывы и требования нерушимыми законами повседневной практики, чтобы постоянно уделять технике безопасности неослабное внимание, изучать и неукоснительно выполнять диктуемые ею правила, а также обеспечить строгий контроль за соблюдением их всеми без исключения.

Но потом мало-помалу горький урок вновь забывается, все меньше отдается сил, энергии и злости повседневной профилактической работе по предупреждению и исключению травматизма, нарушения инструкций кажутся маленькими безобидными промашками и... опять повторяется тот же цикл. Взлет и падение, взлет и падение — так выглядит кривая отношения работников комбината к правилам техники безопасности в подавляющем большинстве цехов. А может, хватит балансировать «на качелях»? Может, пора все-таки всем инженерно-техническим работникам цехов проникнуться подлинной ответственностью за состояние техники безопасности на всех вверенных им участках?

Как свидетельствует статистика, 70—75 процентов травм случается с людьми зрелого возраста, которым минуло 25 лет, и со стажем более пяти лет; 75 процентов травм происходит из-за нарушений правил техники безопасности. Эти цифры приводились на состоявшемся недавно общекомбинатском совещании по технике безопасности. Значит, налицо халатность, мальчишечье бравирование храбростью, легкомысленное забвение прямых своих обязанностей, коими везде и всюду предусматривается безопасное ведение всех и всяческих работ, проведение их таким образом, чтобы ни в коем случае не создавать опасности ни себе, ни окружающим.

Так давайте же, товарищи, чтить уголовный кодекс, гласящий, в частности, что любые действия (или любое бездействие), которые могут повлечь за собой несчастный случай, уголовно наказуемы. Давайте же повсеместно, ежечасно и ежеминутно чтить единую систему техники безопасности и создавать вокруг нарушителей таковой действительно нетерпимую обстановку.

Ю. САШИН.

Станислав МЕЛЕШИН

ПЛАМЯ

ОТРЫВОК ИЗ РАССКАЗА

(Продолжение. Начало в № 121).

В это время на полчаса останавливаются трамваи, автобусы, машины, потому что негде проехать. Главный вход завода — несколько проходных, над которыми прибиты полинявшие от дождей и зноя лозунги и два ордена, разрисованных на фанере, — не вмещает все. Деловито и торжественно проверяют пропуска вспотевшие вахтеры. И улицы, и мост гудят, асфальт под шарканьем и стуком подошв шлифуется и крошится.

Один за другим идут рабочие, никто раньше других, все вместе, будто знают, что нельзя не вместе. «Разные или одинаковые люди», — подумал Ванька и услышал грохот телег и металлические удары копыт по булыжнику — будто возчики везут грома. Поток уважительно раздвинулся, и телеги повезли грома дальше — этих надо пропустить раньше: на телегах инструменты, уголь и спецодежда.

Молчаливые, сонные, бодрые, грустные, кричащие, разговаривающие, неторопливые, спешащие, разные по лицам и голосам, но одинаковые в потоке люди.

Каждый думает о чем-то своем, но все об одном: в восемь — работать!

«Сколько нас!» — восхитился Ванька и удивился самому себе: он тоже с ними! Идут и идут! Черно на улице, и на мосту, у главного входа. Вышли все разом, как на демонстрацию или на митинг, или срочно переселяются из домов.

«Да, мы встаем раньше всех, и если нас собрать, сможем по лопатке перенести с места на место целую гору!».

— Пока проходишь мост, можно и покурить, и побалагурить, и поговорить, и помолчать, но никогда не удастся пройти стороной — идешь рядом с другими, в потоке.

Ванька смотрел на всех, кого в учебниках, газетах и книгах с серьезным восхищением называют рабочим классом, и чувствовал себя частицей идущих взрослых людей. Вот он сейчас обойдет грузовик и высунувшегося из кабины курящего шофера, который обозвал его «кикиморой», войдет в поток и почувствует себя сильным, одинаковым со всеми, рабочим парнем.

Ваньке стало очень обидно, что из всего потока он знает только свою смену — взрослых и разных рабочих-выбивальщиков, да и то они относятся к нему снисходительно и называют его один «мальцом», другой — «нашей кадрой», третий — «Иванушкой», а Нитков, самый старый, просто никак, а только подзывает пальцем...

Ванька всегда, постояв у моста, вглядывается в поток, ища глазами знакомые лица и фигуры. Как и все прошедшие дни, он, не скрывая радости, находит их, потому что держатся они вместе, группой, и, здороваясь с каждым за руку, идет рядом, стараясь попасть в ногу.

Сегодня они о чем-то спорили и на его «здравствуйте» не обратили внимания. Ванька, услышав, как Мокеич — Нитков, — высокий, жилистый, с постоянной ухмылкой на румяном лице, хвастливо доложил, заглядывая каждому в лицо:

— Узнал, что я за птица, и такой она мне виноград устроила!..

Ванька понял, что «она» — это новая жена Никтова; он вчера отпрашивался у начальника цеха на свадьбу, берег всю смену завернутый в платок яркий галстук, купленный в обеденный перерыв. Он знал, что веселый, с тихой душой человек Нитков — хороший литейщик, своей квартиры не имеет, живет у знакомых женщин, у которых от него есть дети. Половина зарплаты у него уходит по исполнительным листам, а сам он кормится у всех и каждый день со смехом хвалится в цеху: «Я международный... У меня вон сколь домов, и всюду я муж и отец. Коммуна!».

— Значит, выгнала?! А как теперь? — спросил молчаливый, застегнутый всегда на все пуговицы Хмыров — узкоплечий, лысый, с брюшком.

— Теперь подарок понесу какой-нибудь... — ответил задумчиво Нитков. Шагавший с ним рядом Белугин — тяжелый, плечистый и чуть сгорбленный, расправил покатые, круглые плечи, брезгливо раздвинул усмешкой прокуренные усы, покачал большой головой:

— Думаешь, на подарке всю жизнь прожить... Э-э! Не выйдет!

— Проживу как-нибудь... — сжал губы Нитков и махнул рукой.

Белугин кашлянул и, расправив ладонью усы, зло бросил: —

— «Как-нибудь» не годится. Хорошо надо жить. А так... По дурочке все это.

— Ну вот, выгнала... Теперь все начинай сначала! А у тебя ни кола, ни двора... Был бы хоть крохотный дом с огородиком, — привел бы какую жену и — живи! — Хмыров одернул пиджак и с достоинством взглянул на Никтова.

Ванька слушал разговор, ему было жаль Никтова. Хмыров был прав, но Ванька не любил этого дядьку с холодными подслеповатыми глазами. Не любил его за то, что тот никогда не обедал с ним в столовой — считал это «тратой денег...» и садился в цехе на пролестничной площадки или прямо на болванку, уткнув ноги в песок, расстилал перед собой платок и ел продукты, выращенные на своих огородах, «в своем личном сельском хозяйстве».

Когда он ел, становился веселым, на его рябоватом и грязном от колошниковой пыли лице нельзя было понять: или он улыбается в это время, или жует. И говорил при этом: «Молоко от коровки, у которой вытек глаз, а доится, холера, как водокачка. Яйци от хохлаток — наседок и петушков... Птицы не райские — земные». Ел холодное сваренное мясо, морковь, огурцы, лук и масло, а потом сворачивал остатки в узелок и, вздохнув, ложился вздремнуть, пока не разбудят.

— Так вот я и говорю... Домишко тебе с огородом и жену, и — живи!

Белугин перебил Хмырова, передернул плечами:

— Зачем ему это? Зачем?! Человек запутался, как рыба в сетях. Бьется, бьется, а плыть не может, — и обратился к Никтову, оглядывая его с ног до головы.

— Тебе, Мокеич, себя ладить надо.

— Куда уж, налажен! Поздновато вроде, — обиженно ответил Нитков.

(Окончание следует).